
18+
«Роскошная, опасная книга. Настоящий черный бриллиант».
Ли Бардуго, автор романа «Шестерка воронов»
ЖЕСТОКИЙ ПРИНЦ
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES
ХОЛЛИ БЛЭК

Young Adult. Бестселлер Холли Блэк. Воздушный народ

Холли Блэк

Жестокий принц

«Эксмо»
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Блэк Х.

Жестокий принц / Х. Блэк — «Эксмо», 2018 — (Young Adult. Бестселлер Холли Блэк. Воздушный народ)

ISBN 978-5-04-257128-2

Джуд ненавидит фейри и одновременно преклоняется перед ними. Когда ей было семь, ее родителей хладнокровно убили. Девушку воспитали фейри. Она выросла при дворе одного из самых могущественных и жестоких генералов армии Верховного короля фейри. У него она научилась превосходно владеть мечом. Но чтобы избежать постоянных насмешек со стороны волшебных обитателей страны, которые презирают людей, ей нужно гораздо больше. Джуд нужна власть. Но для этого придется сразиться с Карданом, самым вероломным и коварным принцем Фейриленда. От автора международных бестселлеров New York Times и обладательницы множества литературных наград – Холли Блэк. Одна из самых ожидаемых книг 2018 года! Великолепная новая серия о смертной девушке, оказавшейся в водовороте придворных интриг фейри.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-257128-2

© Блэк Х., 2018
© Эксмо, 2018

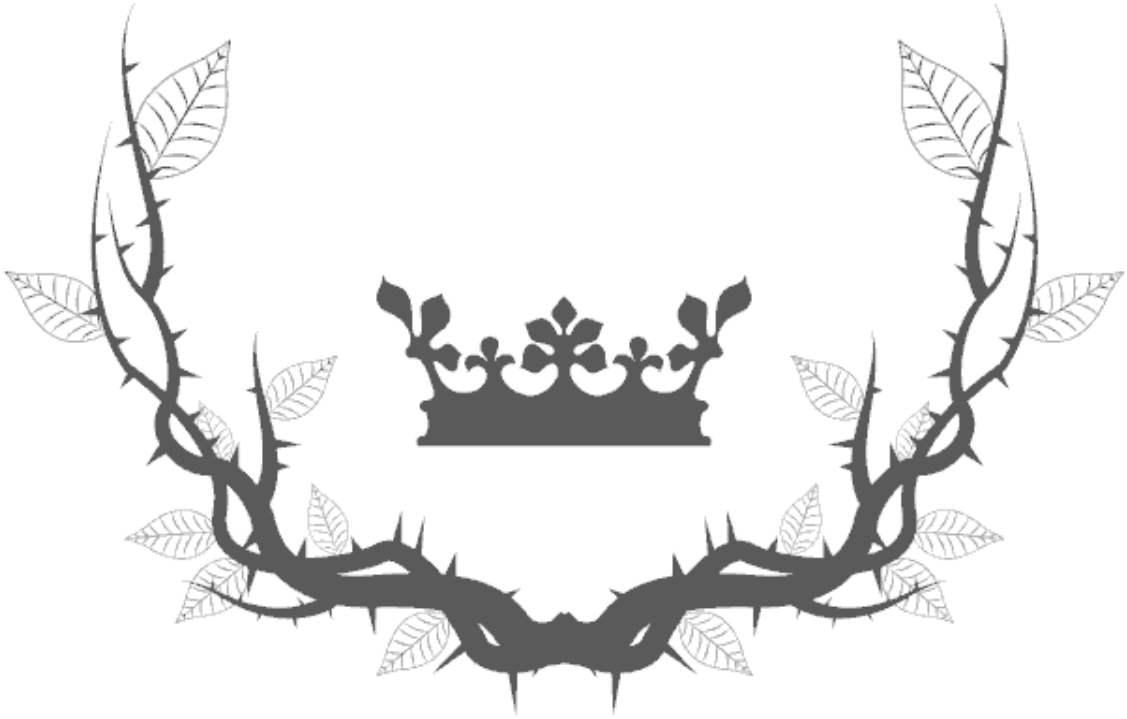
Содержание

Книга 1 6
Пролог 6
Глава 1 10
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Холли Блэк
Воздушный народ
Жестокий принц

Holly Black
The Cruel Prince
© 2018 by Holly Black
© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Кассандре Клэр, которую мне удалось наконец-таки заманить в Фейриленд



Книга 1

Детям фейри не нужны
Ни рубашки, ни штаны,
Ни камин и ни еда,
Все, что надо, есть всегда.
Звон в кармане золотой,
В семь годков уже с женой.
И в хозяйстве тож порядок —
Пони есть, овец с десяток.
И у каждого свой дом
Из гранита с кирпичом.
Вишен съел, побегал всласть —
Вот бы мне туда попасть!

Роберт Грейвз. «Хочу я быть ребенком фейри»

Пролог

Сонным воскресным днем некий мужчина в длинном черном одеянии остановился в нерешительности перед одним из домов на окруженной деревьями улице. Он не припарковался на своей машине и не приехал на такси. Никто из соседей не видел его идущим по тротуару. Незнакомец просто появился, словно ступил из одной тени в другую.

Подойдя к нужной двери, мужчина поднял руку, намереваясь постучать.

Джуд сидела на коврике в гостиной и ела сыроватые, только что из микроволновки рыбные палочки, возюкая ими по бурой лужице кетчупа. Ее сестра-двойняшка, Тарин, дремала на одной половине софы, завернувшись в одеяло и сунув большой палец, испачканный фруктовым соком, в рот. Расположившаяся на другой половине софы их старшая сестра, Вивьен, смотрела телевизор, не отрывая глаз с жутковато расколотыми зрачками от мультяшной мышки, убегавшей от мультяшной кошки. В те драматические моменты, когда мышка, казалось, вот-вот будет съедена, девочка смеялась.

Виви была не такой, как другие старшие сестры, но и семилетние близняшки, Джуд и Тарин, обе с одинаковыми растрепанными каштановыми волосами и вылепленными в форме сердечка личиками, тоже были непохожи на прочих. Глаза Виви и кончики ушей с легким пушком представлялись Джуд не более странными, чем то, что она сама являла собой зеркальное отражение кого-то другого.

И если порой она замечала, что соседские дети сторонятся Виви, а их родители говорят о ней негромкими, обеспокоенными голосами, то не придавала этому особого значения. Взрослые всегда чем-то обеспокоены и всегда о чем-то шепчутся.

Тарин зевнула и потянулась, прижавшись щекой к коленке Виви.

За окном ярко, обжигая асфальт подъездных дорожек, светило солнце. Тут и там жужжали газонокосилки, дети плескались в бассейнах на задних дворах. Папа работал в пристройке, где у него была кузница. Мама на кухне готовила гамбургеры. Все как всегда – скучно. Все было хорошо.

Когда в дверь постучали, Джуд сразу вскочила и бросилась открывать. Вдруг кто-то из девочек с другой стороны улицы хочет поиграть в видеоигры или пригласит ее покупаться?

Стоявший на придверном коврике высокий незнакомец пристально посмотрел на нее сверху вниз. Несмотря на жару, на нем был коричневый кожаный плащ и украшенные серебром сапоги, и, когда он переступил через порог, они глухо звякнули. Джуд подняла голову, взглянула на скрытое тенью лицо и поежилась.

– Мама, – крикнула она. – М-а-а-а-а-а-а-а-м. К нам пришли.

Мать вышла из кухни, вытирая ладони о джинсы. Увидев гостя, она побледнела и испуганным голосом бросила дочери:

– Иди в свою комнату. Живо!

– Чей это ребенок? – спросил, указав на Джуд, мужчина в плаще. В голосе его прозвучал странный акцент. – Твой? Его?

– Ничей. – Женщина даже не взглянула девочке вслед. – Она ничейный ребенок.

Это была неправда. Джуд и Тарин точь-в-точь походили на отца. Так говорили все. Джуд сделала несколько шагов в сторону лестницы, но идти одной в комнату ей не хотелось. «Виви, – подумала она. – Виви знает, кто этот высокий человек. И Виви всегда знает, что делать».

Но заставить себя пройти дальше она как будто не смогла.

– Я видел много невозможного, – молвил незнакомец. – Видел желудь прежде дуба. Видел искру прежде пламени. Но вот такого не видел никогда: живую покойницу. Рожденного из ничего ребенка.

Мама замешкалась, словно не находя слов. Тело ее вибрировало от напряжения. Джуд хотела взять ее за руку и сжать, но не осмелилась.

– Я не поверил Балекину, когда он сказал, что тебя можно найти здесь, – продолжал незваный гость смягчившимся голосом. – Кости смертной женщины и ее нерожденного ребенка на пепелище моих владений выглядели весьма убедительно. Знаешь ли ты, каково это, вернуться после битвы и обнаружить, что твоя жена мертва, как и твоя единственная наследница? Что вся твоя прежняя жизнь обратилась в пепел?

Мама покачала головой, но не так, как если бы отвечала ему, а так, как если бы пыталась отогнать произнесенные слова.

Он шагнул к ней, и она отступила на шаг. Что-то было не в порядке с его ногой, и двигался он неловко, как будто ему мешала боль. Свет в прихожей падал иначе, и Джуд заметила странный зеленоватый оттенок его кожи, а еще обратила внимание на нижнюю губу, казавшуюся слишком большой для рта.

Увидела она также, что глаза чужака такие же, как у Виви.

– Я никогда бы не была счастлива с тобой, – сказала мама. – Твой мир не для людей вроде меня.

Гость долго смотрел на нее и наконец сказал:

– Ты принесла клятву.

Она вскинула голову.

– А потом от нее отказалась.

Его взгляд переместился на Джуд, и его лицо словно окаменело.

– Чего стоит обещание смертной жены? Думаю, ответ у меня есть.

Обернувшись, мама, к немалому своему удивлению, обнаружила, что Джуд еще здесь. Этого взгляда хватило, чтобы девочка сорвалась с места и метнулась в гостиную.

Тарин еще спала. Телевизор работал. Вивьен подняла свои кошачьи глаза под полуопущенными веками.

– Кто там у двери? Я слышала какой-то спор.

– Кто-то… страшный… – Джуд запыхалась и даже слышала, как колотится сердце, хотя и пробежала-то всего ничего. Мама велела ей идти в комнату, но сидеть там в одиночестве девочка не собиралась. – Нам сказали подняться наверх. – Вивьен со вздохом поднялась с софы и потрясла Тарин. Та, еще и не проснувшись толком, потащилась за сестрами. Они уже

повернули к застеленным ковровой дорожкой ступенькам, когда Джуд увидела вошедшего с заднего двора отца. В руке он нес топор, который сам же и выковал в кузнице, взяв за образец тот, что видел в историческом музее в Исландии. Видеть отца с топором ей было не впервой. Он и его друзья увлекались старинным оружием и часто и подолгу говорили о «материальной культуре» и обменивались идеями создания разных фантастических клинков. Непривычным, пожалуй, было то, как он держал оружие… будто намеревался…

Отец замахнулся топором на незнакомца… Никогда он не поднимал руку на Джуд и ее сестер, чтобы наказать их, даже когда девочки попадали в большие переделки. Никогда никого не обижал. Он был не такой человек.

И, однако, сейчас…

Пролетев мимо высокого незнакомца, топор впился в деревянную отделку двери.

Чудной, пронзительный вопль вырвался у Тарин, которая тут же захлопнула рот ладошками.

Незнакомец выхватил из-под кожаного плаща кривой клинок. Меч прямо как в книжке. Папа еще пытался вырвать застрявший в дверной раме топор, когда человек в плаще вонзил клинок ему в живот и дернул вверх. Джуд услышала звук, как будто ломаются палочки, и звериный крик. Папа рухнул на ковер. Тот самый ковер, за который сестры, стоило лишь ступить на него грязными ногами, получали нагоняй.

Ковер окрашивался красным.

Мама закричала. Джуд закричала. Тарин и Вивьен закричали. Закричали все, кроме высокого незнакомца.

– Иди сюда. – Он посмотрел на Вивьен.

– Ты… чудовище, – крикнула их мать, поворачиваясь к кухне. – Он мертв!

– Не убегай от меня. Только не после того, что ты сделала. Убежишь еще раз, и, клянусь, я…

Но она все равно побежала. И уже почти скрылась за углом, когда клинок ударил ее в спину. Падая на линолеум, мать раскинула руки, задев магнитики на холодильнике.

Запах свежей крови повис в воздухе, словно тяжелый, влажный и горячий металл. Как когда мама оттирала пригоревшие на сковородке кусочки скребками.

Джуд налетела на незнакомца, колотя его кулачками в грудь, пиная по ногам. Она даже не испугалась. Может, вообще ничего не почувствовала.

Вот только чужак ее как будто и не заметил. Какое-то время он просто стоял, словно и сам не мог поверить в содеянное. Словно, будь на то его воля, вернул бы все назад на последние пять минут. Потом он опустился на колено, схватил Джуд за плечи, так что она не могла уже бить его, но при этом даже не посмотрел на нее.

Взгляд его остановился на Вивьен.

– Тебя украли у меня. Я пришел забрать тебя в твой настоящий дом, в Эльфхейм, под холмом. Там ты будешь богата. Безмерно богата. Там ты будешь со своим народом, с такими же, как ты.

– Нет, – угрюмо ответила Виви. – Я никогда и никуда с тобой не пойду.

– Я твой отец. – Его грубый, режущий голос взлетел, как хлыст. – Ты – моя наследница, и ты будешь послушна мне в этом, как и во всем прочем.

Она не двинулась с места и только стиснула зубы.

– Ты не ее отец, – крикнула Джуд. И пусть глаза у него были такие же, как у Виви, она не позволила себе поверить в сказанное им. Он крепче сжал ее плечи, и Джуд тихонько пискнула, но дерзких глаз не отвела. В игре в гляделки победить ее получалось у немногих.

Он первым отвел глаза и повернулся к Тарин. Стоя на коленях, всхлипывая, девочка трясла и трясла маму, как будто пыталась разбудить ее. Но мама не шевелилась. Мама и папа умерли и никогда уже не встанут.

– Ненавижу тебя, – со злостью, порадовавшей Джуд, заявила Виви. – И всегда буду ненавидеть. Клянусь.

Ничто не дрогнуло в окаменевшем лице незнакомца.

– Тем не менее ты пойдешь со мной. Приготовь этих худосочных малышек. Возьми необходимое. Мы выедем дотемна.

Вивьен вскинула подбородок.

– Оставь их. Если уж так нужно, возьми меня, но не их.

Он пристально посмотрел на нее и фыркнул.

– Бережешь сестричек от меня, да? Тогда скажи, куда ты их отправишь?

Вивьен не ответила. Дедушек и бабушек у них не было, как и вообще никаких родственников. По крайней мере, они никого не знали.

Он снова взглянул на Джуд, отпустил ее плечи и поднялся.

– Они – отпрыски моей жены, а значит, и отвечать за них мне. Я, может, и жесток, чудовище и убийца, но от ответственности не уклоняюсь. И ты, как старшая, увиливать не должна.

Много позже, годы спустя, рассказывая о случившемся, Джуд никак не могла вспомнить, как они собирались. Столь велико было потрясение, что тот час просто выпал из памяти. Должно быть, Вивьен нашла какие-то мешки и положила их любимые книжки с картинками и игрушки, а также фотографии, пижамы, рубашки и пальто.

А может, Джуд сложила свое сама. Она уже не помнила.

Как они сделали это все, когда тела родителей стыли на полу внизу? Что она чувствовала? Годы шли, а она никак не могла заставить себя снова пережить это. Время притупило ужас смертей. Память о том дне растаяла в красном тумане.

Черный конь пощипывал травку на лужайке, когда они вышли из дома. У него были большие и мягкие глаза, и Джуд хотелось обхватить его руками за шею и вжаться мокрым от слез лицом в шелковистую гриву. Но прежде чем она успела это сделать, высокий незнакомец перебросил ее, а потом и Тарин через седло, как какой-нибудь багаж, а не детей, и посадил позади себя Вивьен.

– Держись, – сказал он.

Всю дорогу до Фейриленда Джуд и ее сестры проплакали.

Глава 1



В мире фейри нет рыбных палочек, кетчупа и телевизора.

Глава 2



Я сижу на подушке, а имп заплетает мне волосы, собирая их с лица. Пальцы у нее длинные, ногти острые. Я моргаю. Ее черные глаза встречаются с моими в зеркале на туалетном столике. Ножка у столика выполнена в форме лапы.

– До турнира еще целых четыре ночи, – говорит она.

Зовут ее Таттерфелл, и в доме Мадока она исполняет обязанности служанки, отрабатывая долг. Я на ее попечении давно, с самого детства. Это Таттерфелл втерла мне в глаза жгучую фейрийскую мазь, наделив Истинным Видением, чтобы я могла распознавать чары. Она же стирала грязь с моих сапог и вешала мне на шею бусы из сушеных плодов рябины, чтобы я могла сопротивляться соблазнам и искушениям. Она вытирала мне нос и напоминала надевать чулки наизнанку, чтобы не потеряться в лесу.

– И как бы тебе ни хотелось попасть туда, луну не заставишь садиться и вставать быстрее. Постарайся украсить генеральский двор, показать себя во всей красе, какую мы только сможем тебе придать.

Я вздыхаю.

Ее терпения никогда не хватало на мою раздражительность.

– Танцевать при Дворе Верховного Короля под холмом – большая честь.

Служанкам доставляет огромное удовольствие напоминать, как повезло мне, внебрачной дочери неверной жены, существу без капли фейрийской крови, что со мной обращаются словно с чистокровным ребенком фейри. То же самое твердят Тарин. Иногда, слушая это все, хочется кого-нибудь укусить.

– Знаю, – говорю вместо этого я, потому что она старается быть доброй. – Замечательно.

Фейри не могут лгать, а потому больше внимания обращают на слова и совсем мало на тон. Особенно это относится к тем, которые не жили среди людей. Таттерфелл одобрительно кивает. Ее глаза как две влажные бусинки гагата, в которых было не разглядеть ни зрачков, ни радужки.

– Может быть, кто-то попросит твоей руки, и ты станешь постоянным членом Верховного двора.

– Я хочу сама завоевать это место.

Имп замирает со шпилькой в руке, возможно, прикидывая, куда бы меня уколоть.

– Не говори глупости.

Спорить, напоминать о губительном замужестве моей матери бессмысленно. Для смертного есть лишь две возможности стать постоянным членом Двора: через брак или особые успехи в каком-то значимом ремесле, например, в металлургии или игре на лютне. Первое направление меня не интересует, так что остается надеяться на талант во втором.

С волосами покончено. Получилось нечто сложное, и я выгляжу так, словно отрастила рога. Меня обряжают в сапфировый бархат. Ни одно, ни другое не скрывает того, что я человек.

Знаю, воспитываться рядом с детьми знати – большая честь. Ужасная честь, которой я никогда не буду достойна. И забыть трудно, когда со всех сторон звучат напоминания.

– Завязала три узелка на удачу, – сообщает маленькая фейри.

Я вздыхаю, и она, соскочив с моего туалетного столика, спешит к двери, чтобы растянуться лицом вниз на моей застеленной гобеленом кровати.

К тому, что мне прислуживают, я уже привыкла. Импы и хобы, гоблины и григи. Тонкие, как паутинка, крылышки и зеленые ногти, рожки и клыки. Здесь я уже десять лет, и все это больше не кажется диковинным и чудным. Странной здесь выгляжу я – с тупыми пальцами, закругленными ушами и короткой, как у мухи-однодневки, жизнью.

По человеческим меркам десять лет – немалый срок. Выкрав нас из мира людей, Мадок возвратился в свои владения в Инсмире, на острове Майт, где держит крепость Верховный Король Эльфхейма. Там, соблюдая обязательство чести, он и вырастил нас, меня, Вивьен и Тарин. И хотя мы с Тарин – живые свидетельства маминой измены, согласно обычаям фейри, мы дети его жены и, следовательно, его проблема.

Будучи генералом Верховного Короля, Мадок часто бывал в отъезде – сражался за корону. Тем не менее без опеки мы не оставались. Спали на матрасах, набитых мягкими пучками одуванчиков. Мадок лично обучал нас искусству боя – с саблей и кинжалом, с кривым мечом или голыми кулаками. Вечерами, у огня, он играл с нами в «Девять пляшущих мужчин», «Лисенка» или фейрийские шахматы «фидчелл». Он разрешал нам сидеть у него на колене и есть с его тарелки.

Много раз я засыпала под его раскатистый голос, слушая истории из книги о стратегии битвы. И со временем, вопреки тому, что он сделал и кем был, я полюбила его. И люблю. Просто это не слишком привычная любовь.

– Симпатичные косички. – Тарин входит в мою комнату. Бархат на ней малиновый. Волосы распущены – длинные каштановые завитки струятся за ней, как накидка, и в некоторых локонах поблескивают серебряные нити.

Запрыгнув на мою кровать, она разваливает кучку старых, потертых игрушек, среди которых коала, змея, черный кот – любимые с детства зверушки. Выбросить их, расстаться с давними реликвиями прошлой жизни я не могу.

Сажусь повыше, не забыв полюбоваться собой в зеркале.

– Мне нравятся.

– Что-то мне подсказывает, – говорит Тарин к немалому моему удивлению, – что сегодня будет весело.

– Весело? – Я-то представляла, что буду наблюдать за всеми из нашего обычного укрытия и переживать из-за того, смогу ли своим выступлением на турнире произвести достаточно сильное впечатление на кого-нибудь из королевской семьи, чтобы получить дарованное рыцарство.

При одной лишь мысли об этом я начинаю нервничать, но и перестать думать совсем не получается. Большой палец касается безымянного пальца со срезанным кончиком, у меня начинается нервный тик.

– Да. – Тарин тычет меня пальцем в бок.

– Эй! У-у! – Я торопливо отодвигаюсь подальше. – И что влечет за собой этот план? – Обычно, бывая при Дворе, мы прячемся где-нибудь, откуда наблюдаем всякие интересные события, но сами в них не участвуем.

Тарин вскидывает руки.

– Что ты имеешь в виду? Что влечет? Да будет весело!

Я смеюсь немножко нервно.

– Не представляешь, да? Отлично. Посмотрим, обладаешь ли ты пророческим даром.

Она соскальзывает с моей кровати и протягивает руки, словно приглашает на танец. Я послушно следую за ней из комнаты, машинально проверяя, на месте ли пристегнутый к бедру нож.

Внутри дом Мадока – белая штукатурка и массивные, грубо обработанные деревянные балки. Стеклянные оконные панели – серые, словно заполнены пойманным в плен дымом, отчего свет получается немного странный. Мы с Тарин спускаемся по винтовой лестнице, и я замечаю на балкончике Виви, с хмурым видом рассматривающую выкраденный из мира людей фантастический комикс.

Виви усмехается мне. На ней джинсы и просторная блуза – наряд явно непраздничный, так что веселиться наша старшая сестра, видимо, не намерена. Будучи законной дочерью Мадока, она не обязана ему угождать, на нее никто не давит. Виви делает что хочет. В том числе читает журналы, страницы которых скреплены металлическими скобками, а не клеем, и не беспокоится из-за того, что может обжечь пальцы.

– Куда путь держите? – спрашивает она негромко из тени, и Тарин вздрагивает.

Виви прекрасно известно, куда мы идем. Поначалу, едва прибыв сюда, мы втроем сбивались в кучку на ее большой кровати и обменивались воспоминаниями о доме. Говорили, как у мамы все пригорало на кухне и какой попкорн получался у папы, вспоминали, как звали соседей, чем пахло в нашем доме, какой была школа, каникулы и вкус глазури на праздничных тортах. Мы пересказывали телефильмы, которые видели, уточняли детали сюжетов, доводили до совершенства диалоги, так что наши воспоминания совпадали до точки и были насквозь фальшивы.

Теперь мы уже не собираемся на кровати, не обмениваемся впечатлениями, а все наши новые воспоминания связаны с этим местом, и Виви почти не проявляет к ним интереса. Она поклялась ненавидеть Мадока и от своего слова не отступила, а когда не вспоминала дом, то устраивала ужасные сцены. Била вещи, кричала, бушевала, щипала нас, когда мы давали слабину. В конце концов все это прекратилось, но, думается мне, в глубине души Виви презирает нас за то, что мы приняли новую жизнь. За то, что смирились и использовали ситуацию с выгодой для себя. За то, что устроились здесь как дома.

– Тебе бы тоже надо пойти, – говорю я ей. – Тарин сегодня в каком-то странном настроении.

Виви задумчиво смотрит на сестру и качает головой.

– У меня другие планы. – Это может означать, что она собирается ускользнуть на вечер в мир смертных или провести время на балконе за чтением. Так или иначе, что раздражает Мадока, то доставляет удовольствие Виви. Он ждет нас в холле со своей второй женой, Орианой. Кожа у нее голубоватого цвета снятого молока, а волосы белые, как свежевыпавший снег. Красивая, но смотреть на нее неприятно – будто смотришь на призрака. Сегодня на ней зеленое с золотым мшистое платье с каким-то изощренным сияющим воротником, привлекающим внимание к розовому рту, ушам и глазам. Мадок тоже одет в зеленое, тона густого леса. На боку у него висит меч без каких-либо украшений.

Снаружи, за открытой двустворчатой дверью, нас ожидает эльф с пятью серебряными уздечками для пяти серых в яблоках фейрийских коней, гривы которых заплетены замыслова-

тыми и, возможно, магическими узелками. Интересно, не такие ли они, как и узелки в моих волосах?

– Вы обе хорошо выглядите. – Произнесенные мягким тоном слова звучат редким комплиментом. Мадок взглядом взбегает по ступенькам. – Ваша сестра идет?

– Я не знаю, где Виви. – Врать здесь легко. Можно делать это хоть весь день, и тебя никто не поймает. – Должно быть, забыла.

На лице Мадока разочарование, но не удивление. Он выходит и говорит что-то держащему поводья эльфу. Неподалеку я замечаю одну из его шпионок, сморщенное существо со сплющенным утиным носом и сгорбленной спиной. Она сует что-то в его ладонь и с удивительной прытью устремляется прочь.

Ориана внимательно смотрит на нас, как будто выискивает в нашей внешности некое упущение.

– Будьте внимательны сегодня. Обещайте, что не будете ни есть, ни пить, ни танцевать.

– Мы уже бывали при Дворе, – напоминаю я ей.

– Вы, может быть, думаете защититься солью, но вы, дети, забывчивы. Лучше обойтись без нее. Что касается танцев, то вы, смертные, стоит лишь начать, будете танцевать до смерти, если мы вас не остановим.

Я опускаю глаза и молчу.

Мы, дети, не забывчивы.

Мадок женился на ней семь лет назад, и вскоре после этого она принесла ему ребенка, болезненного мальчика по имени Оук с крохотными миленькими рожками на голове. С самого начала было ясно, что Ориана терпит нас с Тарин только из-за мужа. По-моему, мы для нее не более чем любимые собачонки ее супруга: плохо натасканные и способные в любой момент наброситься на хозяина.

Оук видит в нас сестер, из-за чего Ориана нервничает, хотя я бы никогда не сделала ему ничего плохого.

– Вы под защитой Мадока, а он пользуется расположением Верховного Короля, – говорит Ориана. – Я не потерплю, чтобы Мадок оказался в глупом положении из-за ваших ошибок.

Закончив эту небольшую речь, она выходит к лошадям. Одна из них храпит и бьет копытом землю.

Мы с Тарин переглядываемся и следуем за ней. Мадок уже восседает на самом большом коне, статном и со шрамом под глазом. Ноздри скакуна трепещут от нетерпения. Снова и снова он мотает головой, отбрасывая гриву.

Я подхожу к бледно-зеленой лошадке с острыми зубами, от нее пахнет болотом. Тарин выбирает пони и трогает с места, ударив каблуками в бока. Лошадка срывается как стрела. Я не отстаю, и мы окунаемся в ночь.

Глава 3



Фейри – сумеречные создания, и я тоже стала такой. Мы встаем, когда тени становятся длиннее, и ложимся перед восходом солнца. Во дворец Эльфхейма, у большого холма, мы прибываем далеко за полночь. Чтобы войти во дворец, нужно проехать между двумя деревьями, дубом и боярышником, а потом врезаться прямиком в каменную стену мрачных руин. Так, по крайней мере, это выглядит со стороны. Я проделывала это сотни раз, но до сих пор вздрагиваю. Все тело напрягается, пальцы сжимают поводья, глаза невольно зажмуриваются, а когда открываются, я уже внутри холма.

Мы едем дальше через пещеру, между колоннами, обвитыми корнями, по плотно утрамбованной земле. Десятки фейри уже столпились у входа в просторный тронный зал, где заседает Двор: длинноносые пикси с обветшавшими крыльями; элегантные зеленокожие леди в платьях с длинными шлейфами, которые держат гоблины; озорные богганы; смеющиеся фокскины; мальчишка в маске лисицы и золотой шляпе; пожилая женщина с облепившими ее плечи воронами; шумная стайка девчонок с дикими розами в волосах; темнокожий юнец с волосами вокруг шеи; группа рыцарей в доспехах ярко-зеленого цвета. Многих я видела раньше, с некоторыми разговаривала. Всех и глазом не охватишь, однако же я смотрю и не могу отвести взгляд.

Все это великолепие, церемонии, блеск и величие – мне такое никогда не надоедает. Может быть, Ориана не так уж и не права, когда говорит, что однажды мы можем так увлечься, что забудем об осторожности. Нетрудно понять, почему люди легко поддаются соблазнительному кошмару Двора, почему с такой готовностью тонут в нем.

Знаю, не должно любить его так сильно, как люблю я, увезенная из мира смертных после гибели родителей. Но что поделать – все равно люблю.

Мадок спешивается. Ориана и Тарин сделали это еще раньше и уже передали лошадей конюхам. Все ждут меня. Мадок протягивает руку, будто хочет помочь, но я соскакиваю с седла. Мои кожаные туфли хлопают о землю. Надеюсь, получилось, как у рыцаря.

Ориана делает шаг вперед, возможно, чтобы еще раз напомнить мне и Тарин о том, что нам не следует делать. Ну уж нет. Я цепляю сестру под руку и тащу за собой внутрь. Зал благоухает ароматом горящего розмарина и измельченных трав. За спиной слышны тяжелые шаги Мадока, но я знаю, куда иду. Попадая ко Двору, нужно первым делом поприветствовать короля.

Верховный Король Элдред восседает на троне в серых одеждах, предписанных его титулу. На редких, золотистых волосах покоится тяжелая золотая корона в виде дубовых листьев.

Мы кланяемся, он касается наших голов узловатыми, унизанными перстнями пальцами, и мы встаем.

Элдред – внук королевы Мэб из дома Зеленого вереска.

Поначалу Мэб жила как одиночная фейри, но потом начала завоевания вместе со своим рогатым супругом и оленьими наездниками. Это из-за него, как говорят, шесть наследников Элдреда имеют ту или иную звериную черту – вещь вполне заурядную в стране фейри, но весьма необычную среди мелкой поместной знати.

Старший принц, Балекин, и его младший брат, Дайн, стоят неподалеку, попивая вино из деревянных, оплетенных серебром кубков. Дайн носит бриджи до колен, демонстрируя копыта и оленьи ноги. На Балекине его любимая шинель с воротником из медвежьего меха. Вдоль руки, от суставов пальцев до плеча, протянулся хребет острых шипов. Под манжетами рубашки они не видны, но показываются, когда братья подзывают Мадока.

Ориана приседает в реверансе. Хотя Дайн и Балекин стоят вместе, они часто не в ладах как друг с другом, так и со своей сестрой Эловин, так что Двор то и дело разделяется на три соперничающих круга влияния.

Принц Балекин, перворожденный, и его компания, известная как Круг граклов, объединяет тех, кто предпочитает веселья и забавы и презирает все, что этому мешает. Они напиваются допьяна и доводят себя до бесчувствия ядовитыми и веселящими порошками. Его круг – самый необузданный, хотя, когда мы разговаривали, он всегда был собранным и трезвым. Наверно, я тоже могла бы предаться пьянству и разгулу в надежде произвести впечатление, но предпочитаю этого не делать.

Вторая по старшинству – принцесса Эловин. Ее приближенные составляют Круг жаворонков. Превыше всего они ценят искусство. Место в ее круге заслужили даже некоторые смертные, но поскольку ни в игре на лютне, ни в декламации успехов я не добилась, то и шансов оказаться среди них у меня нет.

Принц Дайн, третий по рождению, самый младший, возглавляет Круг соколов. Здесь почитают рыцарей, воинов и стратегов. К этому кругу принадлежит, очевидно, и Мадок. Здесь много говорят о чести, хотя в действительности их интересует власть. Клинком я владею хорошо, в стратегии тоже кое-что смыслю, чего мне недостает, так это шанса показать себя.

– Идите развлекайтесь, – говорит нам Мадок.

Мы с Тарин оглядываемся на принцев и вливаемся в толпу.

Во дворце короля Эльфхейма немало секретных альковов и скрытых коридоров, идеально подходящих для любовников и наемных убийц или любителей держаться в тени и откровенно скучающих на такого рода увеселениях. Мы с Тарин, когда были маленькими, прятались обычно под длинными банкетными столами.

Но после того, как она решила, что мы теперь элегантные дамы, которым не пристало пачкать платья, ползая по полу, нам пришлось искать местечко получше. За второй площадкой каменных ступенек обнаружился внушительный выступ мерцающего камня, образующий что-то вроде карниза. Обычно там мы и располагаемся – слушаем музыку и наблюдаем за весельем, участвовать в котором нам не полагается.

Сегодня, однако, у Тарин завелась другая идея. Проходя мимо ступенек, она хватает с серебряного подноса зеленое яблоко и кусок пронизанного голубыми венами сыра и, не утруждая себя солью, откусывает того и другого, после чего протягивает яблоко мне. Ориана считает, что мы не в состоянии различить обычные фрукты и фейрийские, цветущие насыщенным золотом. Мякоть у них красная, плотная, и их дурманящий запах наполняет леса с приближением страдной поры.

Яблоко хрустит и приятно холодит рот. Мы передаем его друг дружке и съедаем до сердцевины. Я справляюсь со своей половинкой за два укуса. Неподалеку от меня крохотная девушка-фейри с белыми волосами и маленьким ножичком режет пояс огра. Работа идет

гладко – секунда-другая, и ремня с поясной сумкой уже нет, девушка растворяется в толпе, а я уже готова поверить, что ничего не случилось. Но тут девушка оглядывается и подмигивает мне.

В следующее мгновение огр сознает, что его обокрали.

– Чую вора! – ревет он, размахивая руками, и опрокидывает кружку с темным пивом. Усыпанный бородавками нос подергивается, втягивая воздух.

Неподалеку возникает какая-то суета, одна из свеч вспыхивает трескучим синим пламенем, шипит и разбрасывает искры, отвлекая на мгновение даже самого огра. К тому времени, когда суматоха стихает и все успокаивается, белокурой воровки уже и след простыл.

С полуулыбкой на губах поворачиваюсь к Тарин, которая с восхищением наблюдает за танцующими, не замечая ничего вокруг.

– Мы могли бы попробовать, – предлагает она. – По очереди. Если ты не сможешь остановиться, я тебя вытащу. А потом ты сделаешь то же самое для меня.

Обдумываю ее предложение, и сердце бьется быстрее. Смотрю на веселящихся и пытаюсь собраться с духом, чтобы согласиться с ее планом.

В центре Круга жаворонков танцует принцесса Эловин. Кожа ее сияет золотом, волосы отливают темной зеленью плюща. Возле нее играет на скрипке мальчик лет пятнадцати. Еще двое смертных подыгрывают ему, с меньшим мастерством, но с большим азартом, на укулеле. Младшая сестра Эловин, Кейлия, танцует неподалеку. Как и у отца, у нее шелковистые, цвета пшеницы волосы, украшенные цветочным венком.

Музыканты заводят новую балладу:

Из всех сыновей короля Принц
Джейми худшим был,
И хуже всего и печальней всего, что
Первенцем он был.

Никогда не любила эту песню, потому что она напоминает мне кое о ком. О том, кого здесь нет сегодня, как нет и принцессы Рии. Но… О нет, он здесь! Я вижу его.

Принц Кардан, шестой по старшинству сын короля Элдреда, идет через зал – прямо к нам.

Валериан, Никасия и Локк – его три самых близких и верных друга – следуют за ним. Толпа расступается и умолкает, склоняясь перед ними в поклоне. Вид у принца, как всегда, сердитый, веки подведены сурьмой, в темных, как полуночное небо, волосах золотой ободок. На нем длинный черный камзол с высоким зазубренным воротником, расшитый узорами небесных созвездий. Валериан в темно-красном, на манжетах поблескивают отполированные, но неограненные рубины, каждый размером с каплю застывшей крови. Волосы у Никасии сине-зеленые, цвета океанской глубины, они были украшены жемчужной диадемой. У замыкающего шествие Локка скучающий и усталый вид, волосы точь-в-точь по цвету лисий мех.

– Нелепы, как шуты, – говорю я Тарин, которая уже следует за моим взглядом. Не могу, однако, не признать, что они также прекрасны. Прекрасные лорды и леди, точно как в песне. Если бы мы не занимались вместе с ними, если бы я не знала из первых рук, сколь жестоки они с теми, кто вызвал их недовольство, я, возможно, была бы без ума от них, как и все остальные.

– Виви говорит, что у Кардана есть хвост, – шепчет Тарин. – Она сама его видела, когда на прошлое полнолуние купалась в озере с ним и принцессой Рией.

Представить Кардана плавающим в озере, прыгающим в воду и смеющимся над чем-то, что не касается чужих страданий, трудно, даже невозможно.

– Хвост? – эхом отзываюсь я, и зарождающаяся на лице недоверчивая улыбка блекнет при мысли о том, что поделиться со мной историей, случившейся, похоже, несколько дней назад, Виви не потрудилась.

Три сестры – необычная конфигурация. Одна всегда оказывается лишней.

– С кисточкой на конце! Обычно свернут под одеждой и разворачивается, как хлыст. – Она хихикает, так что я едва понимаю ее следующие слова. – Виви сказала, что и сама бы такой хотела.

– Хорошо, что у нее его нет, – твердо замечаю я, что, конечно, глупо. Ничего не имею против хвостов.

Кардан и его свита уже так близко, что говорить о них небезопасно. Я роняю взгляд и, хотя ненавижу это, опускаюсь на колено и стискиваю зубы. Рядом то же самое делает Тарин. И не только она.

«Не смотри на нас, – думаю я. – Не смотри».

Проходя мимо, Валериан дергает меня за заплетенную в рог косичку и задерживается, хотя его приятели идут дальше.

– Думаешь, я вас не видел? Вы с сестрой в любой толпе выделяетесь. – Он наклоняется. В его тяжелом, жарком дыхании ощущается запах медового вина. Мои пальцы сами сжимаются в кулак, словно чувствуют близость ножа. Но в глаза Валериану я все же не смотрю. – Какая унылая, невыразительная физиономия.

Он еще раз сильно дергает меня за косичку. Я моргаю. В животе кольцом сворачивается бессильная ярость. Валериан смеется и идет дальше.

Ярость сгущается в стыд. Жалею, что не ударила его по руке, хотя и понимаю, что от этого стало бы только хуже.

Тарин видит что-то в моем лице.

– Что он сказал тебе?

Качаю головой.

Кардан останавливается возле мальчика с длинными медными волосами и крошечными, как у бабочки, крылышками. Мальчик не поклонился, он смеется, и Кардан делает выпад. Не успела я моргнуть, а сжатый в камень кулак принца вылетает и бьет паренька в скулу. Тот падает, а Кардан, наклонившись, хватает одно из его крылышек. Оно рвется легко, как бумага. Мальчик тонко, пронзительно кричит и, кривясь от боли, сворачивается в комок. Интересно, быстро ли у фейри отрастают крылья? Я знаю, что бабочка, потерявшая крыло, летать уже не сможет.

Придворные замирают и хихикают, но это длится секунду-другую, никак не больше. Потом, словно ничего и не случилось, все снова поют и танцуют. Веселье продолжается.

Так у них принято. Кто-то встал у Кардана на пути, и его мгновенно и жестоко наказали. Одних изгоняют из дворца, а иногда вообще отлучают от Двора. Ломают.

Кардан проходит мимо мальчишки, похоже, уже позабыв о нем. Как хорошо, думаю я, что у него пять достойных братьев и сестер, и он вряд ли доберется когда-нибудь до трона. Представить не могу, что у него будет еще больше власти, чем сейчас.

Даже Никасия и Валериан многозначительно переглядываются. Потом Валериан пожимает плечами и следует за Карданом. Зато Локк наклоняется и помогает пареньку подняться. Друзья подхватывают несчастного и уводят, и именно в этот момент Локк поднимает голову. Его рыжевато-коричневые лисьи глаза встречаются с моими, и зрачки расширяются от удивления. Я замираю, а сердце пускается вскачь. Напрягаюсь, готовясь к очередной порции насмешек, но тут уголок его рта поднимается. Локк подмигивает, словно признает, что попался, как будто у нас с ним какой-то общий секрет. Как будто на самом деле он не считает меня презренной, а мою смертность заразительной.

– Перестань на него таращиться, – одергивает меня Тарин.

– Ты разве не видела… – начинаю объяснять я, но она не дает договорить – хватает за руку и тащит к лестнице, к нашему выступу из мерцающего камня, где мы можем спрятаться.

– Не нарывайся и не давай им лишнего повода задирать тебя – хватит и того, что есть!

Удивленная ее горячностью, я вырываю руку и вижу на запястье краснеющие полумесяцы, следы ее пальцев. Оглядываюсь, но Локка уже поглотила веселящаяся толпа.

Глава 4



Брезжит рассвет. Я открываю в своей комнате окно, впускаю последнее холодное дыхание уходящей ночи и снимаю придворный наряд.

Тело пышет жаром. Сдавленная и пережатая во многих местах, кожа перестает болеть, а вот сердце никак не успокаивается.

Я была при Дворе много раз и видела вещи пострашнее оборванных крыльев. Неспособность лгать фейри компенсируют хитростью, жульничеством, умолчанием и жестокостью. Искажение слов, далеко не безобидные розыгрыши, недомолвки, двусмысленность, скандалы, не говоря уже о мести друг другу за замшелые, полузабытые обиды.

Погода не столь непостоянна, моря менее капризны.

Как русалки не могут жить без соленых морских брызг, так Мадок не может жить без кровопролития. После каждого сражения он ритуально окунает свой берет во вражескую кровь. Я видела этот берет под стеклом в арсенале. Ткань задубела и настолько пропиталась кровью, что стала почти черная, не считая нескольких зеленых пятен.

Иногда я наклоняюсь и всматриваюсь в него, пытаясь увидеть в наплывах засохшей крови кровь моих родителей. Хочу почувствовать что-нибудь, кроме невнятного, смутного беспокойства. Хочу почувствовать больше, но с каждым разом чувствую меньше.

«Сходить в арсенал?» – думаю я, но так никуда и не иду. Стою перед окном и представляю себя бесстрашным рыцарем или ведьмой, которая спрятала сердце в палец, а потом этот палец отрубила.

– Я так устала, – говорю я вслух. – Так устала.

Долго сижу, глядя, как поднимающееся солнце золотит небо, слушая, как разбиваются о берег волны, а потом мимо окна пролетает, на фоне светлеющих облаков, какое-то существо. Сначала я принимаю его за сову, но потом вижу глаза хоба.

– От чего устала, сладенькая? – спрашивает он. Вздыхаю и разнообразия ради отвечаю честно:

– От собственного бессилия.

Хоб внимательно рассматривает меня и улетает.

=♦=♦=♦=

Днем отсыпаюсь. Просыпаюсь, не понимая, где нахожусь. Выпутываюсь из длинных расшитых занавесей вокруг кровати. На щеке полоска засохшей слюны. Ванна приготовлена и ждет, но уже успела остыть, и вода едва теплая. Прислуга, должно быть, пришла и ушла. Тем не менее я забираюсь в ванну, плещу водой в лицо.

Живя в Фейриленде, вольно или невольно замечаешь, что все здесь пахнут вербеной или толчеными сосновыми иголками, высохшей кровью или молочаем. Я, если не отмоюсь начисто, буду пахнуть, как пот из подмышек и несвежее дыхание.

Когда Таттерфелл приходит зажечь лампы, я одеваюсь к лекции, которая начинается ближе к концу дня и продолжается до глубокого вечера. Натягиваю серые кожаные сапоги и тунику с вышитым шелком гербом Мадока – полумесяц, повернутый набок и напоминающий чашу, с которой стекает капля крови.

Внизу обнаруживаю Тарин за банкетным столом. Она одна, с чашкой крапивного чая и пресной лепешкой. Сегодня ей не до веселья.

Мадок настаивает – возможно, из чувства вины или стыда, – чтобы с нами обращались как с детьми фейри. Чтобы нас учили тому же и чтобы мы получали то же, что и они. Похищенные дети попадали в Верховный двор и раньше, но никто из них еще не воспитывался как джентри.

Нет, я, конечно, благодарна. Мне нравятся уроки. На вопросы отвечаю умно и правильно, этого у меня никто не отнимет, даже если преподаватели делают иногда вид, что считают иначе. Вместо щедрой похвалы получаю разочарованный кивок. Принимаю и радуюсь – значит, я могу быть своей, независимо от того, нравится им это или нет. Раньше с нами ходила Виви, но потом ей стало скучно. Мадок взъярился, но поскольку то, что нравится ему, безусловно, не нравится Виви, вся его брань только укрепила ее решимость.

Она и нас пыталась убедить отказаться от занятий и оставаться дома, с ней, но если мы с Тарин не в состоянии справиться с интригами детей фейри без того, чтобы бросать уроки или бегать за поддержкой к Мадоку, то как он поверит, что мы сможем управлять Двором, где столкнемся с теми же интригами, но на более высоком и опасном уровне?

Помахивая корзинками, мы с Тарин выходим из дома. Покидать Инсмир, чтобы попасть во дворец Верховного Короля, вовсе не обязательно, но мы идем в обход двух островков, Инсмура, Острова камня, и Инсуила, Острова скорби. Все три соединены наполовину утопленными каменистыми тропами и камнями, достаточно большими, чтобы можно было перепрыгивать с одного на другой. Стадо оленей плывет по направлению к Инсмуру в поисках лучшего пастбища. Мы проходим мимо Озера масок и через дальний угол Молочного леса, пробираемся между бледными, серебристыми стволами под выбеленными листьями. Оттуда мы видим русалок и их братьев, мерроу, загорающих на солнышке возле скалистых пещер. В предвечернем свете чешуя отливает янтарным блеском.

Все дети джентри, независимо от возраста, учатся у преподавателей, собранных со всего королевства. Занятия проходят на территории дворца. В одни дни мы сидим в какой-нибудь роще, выстеленной изумрудным мхом; в другие занимаемся в высоких башнях или на деревьях. Мы узнаем о движении созвездий по небосводу, о целебных и магических свойствах трав, о языках птиц, цветов и людей, а также о языке фейри и о том, как ходить по листьям и веткам, бесшумно и не оставляя следов.

Нас учат играть на арфе и лютне, стрелять из лука и фехтовать. На практических занятиях по магии мы с Тарин только наблюдаем. В перерывах все играют в войну на зеленой поляне под сенью деревьев.

Благодаря занятиям с Мадоком я опасный противник, даже с обычным деревянным мечом.

Тарин тоже неплоха, хотя тренировки в боевых искусствах ее больше не привлекают. На Летнем турнире, до которого осталось всего лишь несколько дней, мы проводим показательное сражение перед членами королевской семьи.

При поддержке и содействии Мадока кто-то из принцев или принцесс может произвести меня в рыцари и включить в состав своей личной гвардии. Это уже какая-никакая власть, защита. И тогда, занимая такое положение, я могла бы защитить и Тарин.

Ну, вот и школа. Принц Кардан, Локке, Валериан и Никасия уже растянулись на траве с другими фейри. Девушка с рогами лани – Поэзи – смеется над чем-то, что сказал Кардан. Нас они не удостаивают даже взглядом. Мы расстилаем одеяло, достаем тетради, ручки и чернильницы.

Какое облегчение.

Наш урок касается истории заключения мирного договора между Орлаг, владычицей Подводного мира, и разнообразными королями и королевами сухопутных владений фейри. Никасия – дочь Орлаг, отправленная ко Двору Верховного Короля на воспитание и обучение. Красоте королевы Орлаг посвящено немало од, а вот ее личные качества, если Никасия пошла в мать, восхваления вряд ли заслужат. На протяжении всего урока она демонстрирует торжествующее злорадство и самодовольную гордыню, откровенно кичась своим происхождением. Потом наставник переходит к рассказу о лорде Ройбене из Двора термитов, и я теряю интерес. Мысли утекают в сторону от истории. Ловлю себя на том, что продумываю комбинации: удар, выпад, защита, блок. Держу ручку, как рукоять клинка, и забываю делать записи.

Солнце опускается к нижнему краю неба. Мы с Тарин достаем из корзинок хлеб, масло, сыр и сливы. Я с жадностью намазываю масло на хлеб, но, прежде чем успеваю откусить, проходящий мимо Кардан пинает мысом сапога землю, и пыль летит на мой бутерброд. Другие фейри смеются.

Поднимаю голову – он смотрит на меня с жестокой радостью, как хищная птица, решающая, стоит ли проглотить маленькую мышку. На нем расшитая колючками туника с высоким воротником, пальцы унизаны тяжелыми перстнями. На губах заученная ухмылка.

Я стискиваю зубы и говорю себе, что если не буду обращать внимания на его колкости и насмешки, то рано или поздно он потеряет ко мне интерес. Отстанет. Надо лишь еще немного потерпеть, несколько дней.

– В чем дело? – с милой улыбкой спрашивает Никасия, подходя ближе и кладя руку на плечо Кардана. – Пыль. Ты вышла из праха, смертная, в него и вернешься. Кусай побольше.

– А ты заставь, – огрызаюсь я, не успев остановиться. Ответ так себе, ничего особенного, но ладони начинают потеть. Вид у Тарин немного испуганный.

– Знаешь, я бы мог. – Кардан усмехается, как будто ничто бы не доставило ему бóльшего удовольствия. Сердце быстро набирает ход. Если бы я не носила на шее ниточку рябины, он мог бы напустить гламур, заворожить меня так, что пыль показалась бы деликатесом. Лишь репутация и положение Мадока заставляют моего обидчика колебаться. Я не двигаюсь с места и не дотрагиваюсь до спрятанных под туникой бус, которые, надеюсь, остановят действие чар и которые, если мне повезет, принц не обнаружит и не сорвет с моей шеи.

Бросаю взгляд в направлении наставника, но старик пука уткнулся носом в книгу.

Поскольку Кардан – принц, скорее всего, останавливать его никто еще не смел. Я понятия не имею, насколько далеко он зайдет и что позволят ему наставники.

– Ты ведь этого не хочешь, правда? – с притворным сочувствием спрашивает Валериан и повторяет жест Кардана. Я и не видела, как он подошел.

Однажды Валериан украл у меня серебряную ручку, и Мадок заменил ее другой, украшенной рубинами, которую взял со своего стола. Валериан тогда впал в такую ярость, что ударил меня в затылок учебным деревянным мечом.

– Что, если мы пообещаем быть учтивыми с вами до конца дня, если вы съедите все, что у вас в корзинках? – Он широко, с издевкой улыбается. – Разве вы не хотите, чтобы мы стали вашими друзьями?

Тарин опускает глаза.

«Нет, – хочу сказать я. – Нам не нужны такие друзья».

Я молчу, не отвечаю, но и голову не опускаю. Смотрю на Кардана, выдержав его взгляд. Мне нечего им сказать, нечем их остановить, и я это знаю. Здесь я бессильна. Но сегодня, похоже, меня не душит злость от собственного бессилия.

Никасия выдергивает заколку из моих волос, и одна косичка падает на шею. Я шлепаю ее по руке, но она быстрее меня.

– Что это? – Никасия показывает всем золотую заколку с тремя филигранными ягодами боярышника на конце. – Ты ее украла? Думала, она тебя украсит? Думала, станешь такой, как мы?

Я кусаю губу. Конечно, мне хочется быть такой, как они.

Они красивы, как клинки, выкованные в некоем божественном пламени. Им дарована вечная жизнь. Волосы Валериана сияют, как полированное золото. Руки и ноги у Никасии длинные и совершенной формы, губы розовые, как кораллы, волосы цвета холодной морской глубины. Лисьеглазый Локк молча стоит за спиной Валериана с лицом, выражающим натасканное безразличие. Подбородок у него заостренный, как и кончики ушей. Самый красивый из них – Кардан с черными, переливчатыми, как вороново крыло, волосами и скулами, заточенными словно нарочно, чтобы резать девичьи сердца. Его я ненавижу сильнее всех прочих. Ненавижу так, что порой забываю дышать.

– Ты никогда не будешь нашей ровней, – заявляет Никасия.

Конечно, не буду.

– Да перестань. – Локк беззаботно смеется и обнимает Никасию за талию. – Оставь в покое этих несчастных.

– Джуд извиняется, – торопливо говорит Тарин. – Нам обеим очень жаль…

– Пусть покажет, как ей жаль, – лениво тянет Кардан. – Скажи, что ей не место в Летнем турнире.

– Боишься, что выиграю? – спрашиваю я, позабыв об осторожности.

– Турнир не для смертных, – холодно сообщает он. – Выйди или пожалеешь.

Открываю рот, но меня опережает Тарин:

– Я поговорю с ней об этом. Это же всего лишь игра.

Никасия одаряет мою сестру снисходительновеликодушной улыбкой, а Валериан ухмыляется, скользя оценивающим взглядом по ее округлостям.

Наши с Карданом взгляды встречаются, и я понимаю, что свой счет ко мне он не закрыл.

– Почему ты так им дерзила? – спрашивает Тарин, когда веселая компания удаляется, направляясь к уже накрытой площадке. – Огрызаться просто глупо.

«А ты заставь… Боишься, что выиграю?»

– Знаю, – отвечаю я. – Буду молчать. Просто… разозлилась.

– Ты бы лучше не злилась, а боялась, – советует Тарин и, покачав головой, собирает остатки нашей еды. В животе урчит, но я стараюсь не обращать внимания на голос голода.

Да, знаю, они хотят, чтобы я боялась. Не далее как сегодня, в ходе подготовки к турниру, Валериан сбил меня подножкой, а Кардан успел нашептать на ухо гадостей. Домой иду с синяками от падений и пинков.

Но запугивая меня, они не понимают вот чего: да, мне страшно, но я боялась всегда, с того самого дня, как попала сюда. Меня растит человек, который убил моих родителей и увез нас в страну чудовищ. Я живу со страхом. Я позволила ему поселиться в моих костях и не замечаю его. Если бы я не притворялась, что не боюсь, то забралась бы под покрывало в доме Мадока и не вылезала бы оттуда.

Но я отказываюсь это делать. И не стану.

Никасия ошибается насчет меня. Я не стремлюсь выступить на турнире не хуже других. Я хочу победить. Не желаю быть им ровней. В душе я жажду превзойти их, стать лучшей.

Глава 5



По пути домой Тарин останавливается собрать ежевики на берегу Озера масок. Я сижу на камне в лунном свете и умышленно не смотрю на воду. Твое лицо в озере не отражается – оно показывает кого-то другого, кто уже смотрелся в него или только посмотрится. В детстве я, бывало, днями сидела на берегу, глядя на появлявшиеся в воде лица фейри и надеясь однажды увидеть мою мать.

– Ты выйдешь из турнира? – спрашивает Тарин, отправляя в рот пригоршню ягод.

Мы постоянно голодны. Мы выше Виви, бедра у нас шире, а груди тяжелее.

Открываю корзинку, беру грязную сливу и вытираю о рубашку. Есть можно. И я ем, медленно, задумчиво.

– Ты имеешь в виду из-за Кардана и его Двора придурков?

Она хмурится, и на ее лице проступает выражение, которое часто появляется у меня, когда сестра демонстрирует особенную тупость.

– А знаешь, как они называют нас? Двор червей.

Я бросаю косточку в воду и гляжу на разбегающиеся круги – никаких отражений сейчас уже не будет. Губы сами складываются в кривую усмешку.

– Озеро магическое, а ты мусоришь, – укоряет сестра.

– Косточка сгниет. И мы тоже. Они правы. Мы – Двор червей. Мы – смертные. Мы не можем ждать целую вечность, надеясь, что они позволят нам делать то, что мы хотим. Мне наплевать, хотят они или нет, чтобы я участвовала в турнире. Когда-нибудь я стану рыцарем, и тогда они меня не тронут.

– Думаешь, Мадок позволит? – Тарин отпускает куст ежевики, до крови исколов пальцы.

– А ради чего еще он нас обучает?

Мы идем домой и, не сговариваясь, попадаем в ногу.

– Нет, это не для меня. – Она качает головой. – Я намерена влюбиться.

От неожиданности прыскаю со смеху.

– Это ты сейчас решила? Я и не думала, что так бывает. Мне казалось, любовь случается, когда ее не ждешь, и падает как снег на голову.

– Ну а я решила вот так.

Не напомнить ли сестрице ее последнее неудачное решение – повеселиться на пирушке, – думаю я, но сдерживаюсь. Зачем расстраивать? Вместо этого пытаюсь определить, в кого же

она вознамерилась влюбиться. Может, в мерроу – с таким расчетом, что он наделит ее даром дышать под водой, преподнесет жемчужную корону и заберет к себе, в подводную постель?

Вообще-то это такой изумительный план. Может, это я ошибаюсь с выбором.

– Ты очень любишь плавать?

– Что?

– Ничего.

Заподозрив в моем вопросе издевку, Тарин толкает меня локтем в бок.

Поскольку Молочный лес опасен по ночам, дальше идем через Кривой лес с его гнутыми деревьями. Здесь нам приходится остановиться и подождать, пока мимо пройдут несколько корневиков, чтобы не попасть им под ноги. Мох покрывает их плечи и ползет по загрубелым щекам. В ребрах свистит ветер.

Красивая, торжественная процессия.

– Если ты так уверена, что Мадок разрешит тебе участвовать, почему до сих пор сама его не спросила? – шепотом спрашивает Тарин. – До турнира осталось всего три дня.

Драться на Летнем турнире может любой, но если я хочу стать рыцарем, то должна заявить себя как кандидат, перевязав грудь зеленым шарфом. Но если Мадок не поддержит, то никакое мастерство уже не поможет. Я просто не стану кандидатом, и меня никто не выберет.

Шествие корневиков дало мне возможность не отвечать сестре, чему я только рада, потому что, конечно, возразить нечего. Я не обращаюсь к Мадоку: боюсь услышать, что он скажет.

Вот и дом. Мы открываем огромную деревянную дверь на железных петлях и слышим наверху крик, словно кому-то очень больно.

Мчусь по лестнице так, что сердце едва не выскакивает из груди, и обнаруживаю такую картину: Виви в своей комнате гоняется за тучкой спрайтов. При моем появлении они стремительно уносятся дымкой в коридор. Виви швыряет книгу, которой отбивалась от спрайтов, и попадает в дверную раму.

– Посмотри! – кричит она, указывая на гардероб. – Ты только посмотри, что они наделали!

Дверцы распахнуты, и я, заглянув, вижу беспорядочно набросанную кучу вещей, украденных в мире людей: спичечные коробки, газеты, пустые бутылки, книги и полароидные фотографии. Спрайты превратили спичечные коробки в кровати и столы, в книгах вырезали серединки, чтобы сделать там себе уютные гнездышки. Да уж, в шкафу поселилась целая колония спрайтов.

Но еще больше меня удивляет количество вещей, многие из которых, на мой взгляд, не имеют никакой ценности. Самый обычный хлам. Мусор смертных.

– Что это такое? – вопрошает, входя в комнату, Тарин. Она наклоняется и подбирает фотографии, лишь слегка пожеванные спрайтами. Снимки сделаны один за другим, вроде тех, что получаются, если сидеть в кабинке перед автоматической камерой. На всех Виви гуляет с улыбающейся смертной девушкой с розовыми волосами.

Похоже, не только у Тарин есть планы.

=♦=♦=♦=

Обедаем за массивным деревянным резным столом, украшенным сценами играющих фавнов и танцующих импов. В центре горят толстые восковые свечи. Рядом – резная каменная ваза с заячьей капустой. Слуги приносят серебряные подносы с кушаньями. Сегодня мы едим свежие черные бобы, оленину с зернышками граната, поджаренную на гриле речную форель со сливочным маслом, салат из горьких трав и на десерт кексы с изюмом, вымоченным в яблочном сиропе. Мадок и Ориана пьют канарское вино; нам его разбавляют водой.

Рядом с нашими с Тарин блюдами стоит чаша с солью.

Виви накалывает кусок оленины и слизывает с ножа кровь.

Сидящий напротив Оук ухмыляется и пытается подражать ей, но Ориана отбирает нож прежде, чем он успевает порезать язык.

Оук хихикает, берет мясо руками и рвет острыми зубами.

– Вам следует знать, что в скором времени король отречется от престола в пользу одного из своих сыновей. – Мадок обводит всех нас взглядом. – По всей вероятности, он выберет принца Дайна.

По очередности рождения Дайн только третий, но это неважно. Преемника выбирает Верховный Правитель – так обеспечивается стабильность Эльфхейма. Корону для первой Верховной Королевы, Мэб, изготовили в ее кузнице. Согласно преданию, кузнецом был некто Гримсен; из металла он мог изготовить что угодно: поющую птичку, скользящее по шее ожерелье, сдвоенный меч, который всегда попадает в цель. Выкованная чудесным образом, корона обладает магическими свойствами и переходит только от одного кровного родственника к другому по непрерывной династической линии. Вместе с короной переходят и клятвы всех, кто присягал ей. И хотя ее подданные собираются вместе при каждой новой коронации, чтобы подтвердить свою преданность, власть по-прежнему заключена в самой короне.

– А почему он отрекается? – спрашивает Тарин.

– Его детям надоело ждать. – Губы Виви кривятся в злобной усмешке. – Старик зажился.

Лицо Мадока накрывает тень гнева. Мы с Тарин не смеем дразнить его из опасения, что генеральское терпение не беспредельно, но Виви – знаток в таких делах. Когда он отвечает, я вижу, каких усилий ему стоит не дать волю чувствам.

– Немногие короли фейри правили столь успешно на протяжении столь долгого времени, как Элдред. Теперь он отправляется на поиски Обещанной земли.

Насколько мне известно, Обещанной землей они называют смерть, хотя и не признаются в этом. Говорят, это место, откуда вышел Народ и куда он в конце концов вернется.

– То есть вы хотите сказать, он уходит, потому что стар? – спрашиваю я несмело – а вдруг это невежливо? Есть хобы, которые рождаются с морщинистыми лицами, как крохотные, безволосые котята, а есть гладкокожие никси, чей подлинный возраст выдают только их древние глаза. Думаю, времени они просто не замечают.

Ориане мой вопрос удовольствия не доставил, но и шикнуть на меня она не пытается, так что, возможно, никакой черты я не переступила. Или, может быть, ничего, кроме плохих манер, эта фейри от меня и не ждет.

– Мы не умираем от старости, но, бывает, устаем от жизни, – тяжело вздыхает Мадок. – Я воевал от имени Элдреда. Громил отказывавших ему в верности. Мне даже случалось выступать против королевы Подводного мира. Но Элдред потерял вкус к кровопролитию. Он позволяет своим подданным бунтовать против него, и это в то время, когда другие Дворы отказываются подчиниться нам. Пришло время освободить трон для нового монарха, голодного, жадного до крови, не боящегося войны.

Ориана недоуменно хмурится.

– Твои родственники тоже предпочли бы видеть тебя целым и невредимым.

– Какой толк от генерала, если нет войны? – Мадок нервно припадает к кубку с вином, делает большой глоток. Интересно, часто ли ему требуется полоскать в крови свой берет? – Коронация нового короля намечена на осеннее равноденствие. И не беспокойся. У меня есть план. Я позаботился о нашем будущем. Твоя забота – приготовиться к тому, что придется много танцевать.

Я гадаю, что же это за план у него такой, и тут Тарин пинает меня ногой под столом. Поворачиваюсь, обжигаю ее сердитым взглядом, а она в ответ поднимает брови и одними губами шепчет:

– Спроси у него.

Мадок смотрит на нее.

– Да?

– Джуд хочет о чем-то вас спросить. – Хуже всего в этом то, что она считает, будто помогает мне.

Собираюсь с духом. По крайней мере, он сегодня, похоже, в хорошем настроении.

– Я думаю о турнире. – Сколько раз представляла, как произношу эти самые слова, и вот сегодня, когда говорю их вслух, получается не совсем так, как надо. – Я неплохо владею мечом…

– Ты скромничаешь, – говорит Мадок. – В искусстве боя на мечах ты великолепна.

Звучит ободряюще. Краем глаза вижу, что Тарин застыла, затаив дыхание. И вообще, все за столом притихли, кроме Оука, который постукивает стаканом о блюдо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.